

УДК 34.01

Современные формы общественного договора в общественно-государственных отношениях XXI века

Назарова Наталья Анатольевна

Аспирант,
кафедра теории государства и права им. Г.В. Мальцева,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 1;
e-mail: natalien@list.ru

Аннотация

Актуальность изучения современных форм общественного договора обусловлена его распространенностью как фундамента общественно-государственных отношений в большинстве стран XXI века. В данной статье автор рассматривает такие микро- и макроформы договора, как «пластичность» влияния доминирующей религии на иные сферы жизни общества и государства, совещательная практика, медиадискурс средств массовой информации, договор о разоружении, вертикальный контракт, горизонтальный контракт, договор об общественном согласии, Пакт Монклоа, гражданское общество, транспарентный социальный контракт на государственные услуги, пакт, саморегулирующийся общественный договор и ряд иных форм. Ключевыми выводами являются, во-первых, наблюдение о двойственности вектора эволюции идеи общественного договора как в прогрессивной, так и в сдерживающей развитие формах, а во-вторых, трансформация договорных форм на различных уровнях государственной, политической и международной деятельности, что говорит об актуальности и адаптивности идеи к динамике развития современных обществ и государств.

Для цитирования в научных исследованиях

Назарова Н.А. Современные формы общественного договора в общественно-государственных отношениях XXI века // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 2А. С. 24-32.

Ключевые слова

Общественный договор, форма общественного договора, светское государство, гражданское общество, совещательная практика, Пакт Монклоа, общественное согласие, пакт.

Введение

Договорная теория создания государства, выступающая идеологической основой модернизированного государства [Габрелян, 2016, 123], оформившаяся в теорию общественного договора, сохранила свою актуальность для жизни современного общества и государства. Общественный договор так или иначе влияет на каждого гражданина в каждой из стран мира. В данной статье поставлена задача показать, какие новые формы принимает общественный договор в различных современных системах общественно-государственных отношений.

Так, интерес представляют различия форм общественного договора в зависимости от религиозного признака государства. Например, в теократическом государстве источником государственности и многих других ролей общественного договора выступает святая книга (Библия в Ватикане или Коран в Саудовской Аравии), следовательно, договорная ось «общество – государство» уступает место, в некотором смысле, договору между Богом и человеком, что лежит за рамками научного исследования. При этом «ценность светского государства состоит в создании и сохранении баланса интересов как верующих, так и неверующих, способного обеспечить независимость и невмешательство в сферу своей компетенции религиозных объединений и государства» [Останин, 2009]. Такой баланс интересов в светском государстве коррелирует с важнейшим положением концепции общественного договора – требованием формального равенства [Габрелян, 2014, 30; Габрелян, 2016, 127], в данном случае равенства граждан в свободе совести и свободе вероисповедания.

Особый интерес представляют формы общественного договора в тех государствах, где формально торжествуют светские принципы, однако фактически можно наблюдать частичное сращение институтов власти и церкви. К примеру, в официально светской Италии, где 97% населения – католики и особый статус имеют взаимоотношения с Папским престолом, так и не был принят единый отраслевой закон, составляющий базу правового института свободы совести и религии, как это принято в юридической практике многих других государств [Лагода, 2010]. Также и в Израиле, где иудаизм не имеет статуса государственной религии и свобода вероисповедания гарантируется Декларацией независимости, однако при этом нормы талмудического права управляют целой сферой семейного права, что определяет существенную особенность правовой системы данного государства: включение в нее элементов еврейского религиозного права (Галахи), хотя израильское право ни в какой мере не тождественно религиозному праву [Баглай, Лейбо, Энтин, 2008, 806]. Современные исследователи отмечают усиление роли Русской православной церкви в общественно-политической жизни Российской Федерации, несмотря на формальное провозглашение принципа светского государства [Мартышин, 2015, 38].

Сложно судить, являются ли подобные особенности правовых систем светских государств новой формой общественного договора. С одной стороны, их очевидная стабильность

в течение десятилетий показывает, что в отношениях между обществом и государством негласно признан особый статус и влияние конкретной религии на отдельные правовые подсистемы. С другой стороны, обращаясь к «принципу равной свободы» общественного договора, автор неизбежно сталкивается с противоречием с классической трактовкой общественного договора. С третьей стороны, здесь имеет место некоторый «аргумент в пользу отказа от теократии...», что именно такой способ решения проблем дает непривилегированным в религиозном отношении людям или группам сравнительно большую религиозную свободу» [Шапиро, 2004, 164]. Поэтому можно сделать аккуратное предположение, что в ряде светских государств «пластичность» влияния доминирующей религии на иные сферы жизни общества и государства может быть условно обозначена как одна из современных форм общественного договора.

Общественный договор и гражданское общество

Наиболее отвечающей принципам классической трактовки общественного договора выступает модель современного гражданского общества, являющаяся, по мнению А.А. Аузана, одной из форм общественного договора. «Общественный договор и гражданское общество – это довольно близкие понятия, потому что в каком-то смысле гражданское общество – это и есть общественный договор... Гражданское общество – это всегда добровольная многосторонняя договоренность людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов. В этом смысле общество – это модель договора» [Аузан, 2005, 7].

Особую роль в современном гражданском обществе приобретают институционализированные общественные объединения [Лукьянова, 2011, 199], в особенности средства массовой информации. Соответственно, средства массовой информации выступают в роли активных участников и посредников в заключении такого социального контракта. Они актуализируют проблематику общественного договора в периоды социальных потрясений и нестабильности, накануне выборов, при необходимости корректировки политического курса – всегда, когда предметом дискуссии становятся базовые принципы и основания, гарантирующие дальнейшее развитие социума [Поленина, Гаврилов, Колдаева, Лукьянова, Скурко, 2004, 37]. Можно отметить, что общественный договор – это «ключевое понятие», то есть «такая конструкция, которая в ходе масштабных сдвигов социальных и политических структур выполняет функции оператора сдвига» [Солодовникова, 2016, 17]. Медиадискурс общественного договора может быть определен как совокупность высказываний, возникающих и транслируемых в средствах массовой информации, обладающая структурой и коммуникативной функцией, служащей определенной цели: создавать, поддерживать и легитимизировать справедливый для данной полисубъектной группы общественный договор [Солодовникова, 2016, 47].

Среди современных форм общественного договора центральное место занимает модель «совещательной демократии», совещательной практики, о которой пишет Ю. Хабермас. Это демократия обсуждения, убеждения, аргументации и компромисса. Ее основой должно стать общество свободных и равных индивидов, определяющих формы совместной жизни в политическом общении путем социального диалога о ключевых проблемах жизнедеятельности и развития общества [Лукьянова, 2007, 27]. Это форма диалогового, а не монологического режима, предполагающая возможность индивида формулировать свою собственную позицию [Габрелян, 2016, 129]. Основные параметры данной модели описывались Ю. Хабермасом следующим образом: 1) никто из желающих внести релевантный вклад в дискуссию не может быть исключен из числа ее участников; 2) всем предоставляются равные шансы на внесение своих соображений; 3) мысли участников не должны расходиться с их словами; 4) коммуникация должна быть свободна от внешнего и внутреннего принуждения.

Соблюдение данных параметров при обсуждении, заключении и пересмотре социального контракта, по мысли Ю. Хабермаса, способно обеспечить его справедливость [Солодовникова, 2016, 14].

В качестве самостоятельной можно выделить переходную форму общественного договора, оформляющую переход от государства авторитарного типа к демократии или от монологического (командного, приказного) режима к договорному. Ее можно назвать «авторитарной» или «авторитаризированной» формой общественного договора. Примером может служить новейшая история России, в частности Договор «Об общественном согласии» от 28.04.1994, целью которого, по словам действующего на тот момент президента РФ Б.Н. Ельцина, было «поставить последнюю точку в гражданском противостоянии». Ключевые разделы данного документа: достижение политической стабильности в обществе, преодоление социально-экономического кризиса, упрочение федеративного устройства, национальные отношения, безопасность гражданина и общества, нравственность, наука, образование и культура, а также ряд статей непосредственно о реализации данного договора [Договор..., 1994, www].

Схожим примером, но в другом историческом и общественном контексте, может служить договор, подписанный в октябре 1977 года правительством и основными политическими партиями Испании (так называемый Пакт Монклоа). Этот договор предусматривал набор мер в области политики и экономики по завершению перехода страны к демократии. В частности, Пакт предусматривал парламентский контроль над средствами массовой информации, реорганизацию сил правопорядка, либерализацию законодательства о митингах и собраниях, демократизацию системы социального обеспечения и сферы образования, проведение налоговой реформы. «Пакт Монклоа» стал классическим примером компромисса между различными партиями на основе общенационального консенсуса для реализации общих задач в «переходном» обществе [Los Pactos..., 1977, www]. Данный документ демонстрирует, что решение мирным путем сложнейших социальных, экономических, политических и правовых проблем возможно.

Еще дальше идет Джона Кампфнер, отмечая, что сама идея общественного договора превратилась в пакт – пагубное соглашение эры международного изобилия, в результате которого по всему миру множество людей наделило своих лидеров почти неограниченными полномочиями в определении степени их свободы, а взамен они получили мнимую безопасность и иллюзорное процветание [Кампфнер, 2012, 350].

Современной модификацией идеи общественного договора является пакт, характеризующийся возвратом к системе табуитета, – запретам, способным удерживать общество в жестких рамках. Рано или поздно подобная ситуация может привести к кризису государственной власти. В свою очередь, если государство слабо и не в состоянии обеспечить «онтологический договор», значимым социальным фактом становится внегосударственная реализация закона [Шапиро, 2005, 43]. Пакт также способен добиться этого, но при одном важном условии – самоустранение людей от управления государством.

В чем же разница между общественным договором и пактом? Договор есть идея всеобщего равенства, сама природа пакта равенство отрицает, подразумевая существование управляемых (население государства) и управляющих (чиновники, олигархи и т. д.). Договор ограничивает государство в определенных действиях по отношению к гражданам. Пакт снимает эти ограничения: когда граждане государства вступали в него, они понимали, что тем самым отказываются по своей воле от ряда свобод. Договор не делал граждан пассивными участниками политического процесса. Пакт ограничивает способность граждан влиять на политическую ситуацию в государстве.

Кроме того, общественный договор предполагает наличие у граждан государства определенных свобод, которыми они могут пользоваться при условии соблюдения законов. Положения пакта таковы, что граждане априори отказываются от большей части свобод. Важно подчеркнуть, что при общественном договоре подобный отказ происходит во имя стабильности и порядка в государстве, в то время как по условиям пакта граждане отказываются от свобод ради материальных благ и защиты, которые им должно предоставить государство.

Заключение

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы. На стыке XX-XXI веков идея общественного договора продолжает эволюционировать, при этом в различных направлениях. Среди прогрессивных следует выделить модель совещательной практики Ю. Хабермаса, реализуемую в ряде развитых стран. Среди форм, в некотором роде настораживающих, можно отметить так называемый пакт или «авторитаризированную» модель общественного договора, дающую возможность контролировать людей не только с помощью силы и принуждения, но за счет того, что они сами делегируют государству подобные полномочия в обмен на ряд незначительных свобод [Горохов, Вялых 2013, 4].

Библиография

1. Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3. С. 3-18.
2. Баглай М.В., Лейбо Ю.И., Энтин Ф.М. (ред.). Конституционное право зарубежных стран. М., 2008. 832 с.
3. Бикбов А.Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 27 с.
4. Габрелян Э.В. Актуальные проблемы теории государства. М.: Проспект, 2014. 104 с.
5. Габрелян Э.В. Правовое государство как теоретическая модель государственно-правовой модернизации // Труды института государства и права РАН. 2016. № 1. С. 121-132.
6. Горохов П.А., Вялых В.В. Современные модификации идеи общественного договора // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 19-23.
7. Договор от 28.04.1994 «Об общественном согласии». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=261348#0>
8. Кампфнер Дж. Свобода на продажу: как мы разбогатели – и лишились независимости. М., 2012. 414 с.
9. Лагода Е.А. Особенности правового института свободы совести и религии в Италии // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 399-403.
10. Лукьянова Е.Г. К вопросу о политической и правовой идеологии в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 4. С. 23-28.
11. Лукьянова Е.Г. Теория права и государства. Введение в естественно-правовой курс. М.: Норма, 2011. 208 с.
12. Мартышин О.В. Государство и религия в постсоветской России // Государство и право. 2015. № 7. С. 38-47.
13. Мартышин О.В. Два закона о религиозных объединениях // Государство и право. 2015. № 2. С. 53-62.
14. Останин А.В. Светское государство и демократия // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 104-107.
15. Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.В., Лукьянова Е.Г., Скурко Е.В. Правовая политика России в условиях глобализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 28-37.
16. Солодникова О.Б. Общественный договор как медиакурс (на примере общероссийских печатных СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
17. Солодникова О.Б. Общественный договор как медиакурс // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 8. С. 364-371.
18. Шапиро И. Мораль в политике. М., 2005.
19. Шапиро Ян. Моральные основания политики. М.: КДУ, 2004. 304 с.
20. Los Pactos de la Moncloa. URL: <http://www.vespito.net/historia/transi/pactos.html>

Modern forms of social contract in public and state relations of the XXI century

Natal'ya A. Nazarova

Postgraduate,
Maltsev theory of state and law department,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration,
119571, Russian Federation, Moscow, av. Vernadsky, 82, p. 1;
e-mail: natalien@list.ru

Abstract

The relevance of studying modern forms of the social contract is routed in its prevalence as a foundation for public-state relations in most countries of the XXI century. In this article the author examines micro and macro forms of the contract such as: the "plasticity" of the influence of the dominant religion on other spheres of life of society and the state, deliberative practice, media discourse media, an agreement on disarmament, vertical contract, horizontal contract, contract on the public consent, the Moncloa Pact, civil society, transparent social contract of public services, pact, self-regulating social contract and a number of other forms. The key conclusion is the observation about the duality of the evolution of the ideas of the social contract in both progressive and development hindering forms. Also, transformation of contractual forms can be observed at various levels of public, political and international activities, which demonstrates the relevance and adaptability of ideas to the modern societies and states dynamics. At the turn of the 20th and 21st centuries, the idea of a social contract continues to evolve in different directions: the model of deliberative practice of Habermas is implemented in a number of developed countries; the so-called pact or the "authoritarianized" model of a social contract makes it possible to control people not only by force and coercion, but by the fact that they delegate such powers to the state in exchange for a number of insignificant freedoms.

For citation

Nazarova N.A. (2017) *Sovremennye formy obshchestvennogo dogovora v obshchestvenno-gosudarstvennykh otnosheniyakh XXI veka* [Modern forms of social contract in public and state relations of the XXI century]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (2A), pp. 24-32.

Keywords

Social contract, form of social contract, secular state, civil society, deliberative practice, the Pact of Moncloa, public acceptance, pact.

References

1. Auzan A.A. (2005) *Obshchestvennyi dogovor i grazhdanskoe obshchestvo* [Social contract and civil society]. *Mir Rossii* [World of Russia], 3, pp. 3-18.
2. Baglai M.V., Leibo Yu.I., Entin F.M. (ed.) (2008) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow.
3. Bikbov A.T. (2014) *Grammatika poryadka: istoricheskaya sotsiologiya ponyatii, kotorye menyayut nashu real'nost'* [Grammar of order: historical sociology of concepts that change our reality]. Moscow: Higher School of Economics.
4. *Dogovor ot 28.04.1994 "Ob obshchestvennom soglasii"* [The agreement "On public consent" of April 28, 1994]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=-EXP;n=261348#0> [Accessed 25/01/17].
5. Gabrelyan E.V. (2014) *Aktual'nye problemy teorii gosudarstva* [Urgent problems of the theory of the state]. Moscow: Prospekt Publ.
6. Gabrelyan E.V. (2016) *Pravovoe gosudarstvo kak teoreticheskaya model' gosudarstvenno-pravovoi modernizatsii* [Legal state as a theoretical model of state-legal modernization]. *Trudy instituta gosudarstva i prava RAN* [Proc. of the Institute of state and law of Russian Academy of Sciences], 1, pp. 121-132.
7. Gorokhov P.A., Vyalykh V.V. (2013) *Sovremennye modifikatsii idei obshchestvennogo dogovora* [Modern versions of ideas of the social contract]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 11, pp. 19-23.
8. Kampfner J. (2010) *Freedom for sale: why the world is trading democracy for security*. Basic Books Publ. (Russ. ed.: Kampfner Dzh. (2012) *Svoboda na prodazhu: kak my razbogateli – i lishilis' nezavisimosti*. Moscow).
9. Lagoda E.A. (2010) *Osobennosti pravovogo instituta svobody sovesti i religii v Italii* [Peculiarities of the legal institution of freedom of conscience and religion in Italy]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2, pp. 399-403.
10. *Los Pactos de la Moncloa*. Available at: <http://www.vespito.net/historia/transi/pactos.html> [Accessed 17/01/17].
11. Luk'yanova E.G. (2007) *K voprosu o politicheskoi i pravovoi ideologii v sovremennoi Rossii* [To the question of political and legal ideology in modern Russia]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life], 4, pp. 23-28.
12. Luk'yanova E.G. (2011) *Teoriya prava i gosudarstva. Vvedenie v estestvenno-pravovoi kurs* [Theory of law and state. Introduction to natural law course]. Moscow: Norma Publ.
13. Martyshin O.V. (2015) *Gosudarstvo i religiya v postsovetskoj Rossii* [State and religion in post-Soviet Russia]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 7, pp. 38-47.
14. Martyshin O.V. (2015) *Dva zakona o religioznykh ob"edineniyakh* [Two laws on religious associations]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2, pp. 53-62.

15. Ostanin A.V. (2009) Svetskoe gosudarstvo i demokratiya [Secular state and democracy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state University], 325, pp. 104-107.
16. Polenina S.V., Gavrilov O.A., Koldaeva N.V., Luk'yanova E.G., Skurko E.V. (2004) Pravovaya politika Rossii v usloviyakh globalizatsii [Legal policy of Russia in the conditions of globalization]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 1, pp. 28-37.
17. Shapiro I. (2004) *Moral'nye osnovaniya politiki* [Moral bases of politics]. Moscow: KDU.
18. Shapiro I. (2005) *Moral' v politike* [Morality in politics]. Moscow.
19. Solodnikova O.B. (2016) *Obshchestvennyi dogovor kak mediakurs (na primere obshcherossiiskikh pechatnykh SMI). Dokt. Diss. Absract* [Social contract as mediakurs (on the example of the Russian print media). Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
20. Solodnikova O.B. (2015) Obshchestvennyi dogovor kak mediakurs [Social contract as mediakurs]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge], 8, pp. 364-371.